

УДК 124.5:340.1(4-011)

Сигалов К.Е.

Идейно-ценностные основы формирования западноевропейского права

Сигалов Константин Елизарович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, директор Центра правового регулирования финансово-экономических отношений Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

E-mail: sigalovconst@mail.ru

Западноевропейское право всегда было органично вплетено в социальную практику. Наличие правового пространства в жизни западного человека – это его права на обладание неким собственным ему принадлежащим, то есть обладание той частью социального блага, которое принадлежит ему на индивидуальном, семейном, групповом или общественном основании, и не может быть ни при каких обстоятельствах у него изъято. Мы актуализируем данный аспект, объясняя, почему право было постоянной и неизменной характеристикой западной цивилизации, надёжным инструментом, позволяющим европейцу жить и функционировать в обществе. Мы объясняем, почему право было создано для решения отношений подданных с государством и, главное, отношений обывателей между собой, почему сжатость, «неразвитость» западного государства по сравнению с восточным является одним из условий формирования социальных предпосылок буржуазного строя и гражданского общества.

Ключевые слова: право, государство, цивилизация, Запад, Восток, эгоцентризм, мораль, правовые притязания, правовое пространство и правовое время, собственность, веротерпимость.

Право в строгом смысле этого слова – чисто западноевропейское явление, во всяком случае, в момент его становления. Те формы регуляции, которые имели место быть в других цивилизациях в большей или меньшей степени отдалены от права в западноевропейском понимании. В дальнейшем, весь мир признал, что право – это важнейший способ обустройства жизни, без которого очень сложно обойтись. Говоря об идейно-ценностных основах формирования западноевропейского права, мы имеем в виду основы формирования права как некоего стандарта, к которому стремится всё человечество. Запад, вопреки мнению дилетантов, не есть некое единое пространство, где всё и всюду унифицировано; вряд ли какая-нибудь из западных стран к этому стремится. Литература, язык, архитектура, обычаи, моральные установки, культурные привычки, эстетические предпочтения, гастрономические пристрастия – всё разное, в Англии смазливое, во Франции игривое, в Италии рассудительное, в Германии румяное, в Швеции дерзкое, в Польше добродушное, в Греции изнеженное и в Московии хмурое¹. Можно поспорить о существовании этих характеристик, но важнее другое, – представление о различии стран Европы сложилось еще в XVII в. Другой немаловажный аспект этого замечания: Россия и в середине XVII в. считалась частью европейской цивилизации.

Вполне справедлив А.В. Поляков: «...политическая коммуникация всегда опосредуется коммуникацией правовой. При этом следует иметь в виду, что право в разных государствах не только проявляется в разных формах, но и имеет разное содержание»². Тем не менее, именно в политической и в правовой сферах Запад пытается установить общие стандарты, и это, в основных чертах, получается. Следовательно, именно право – то основание духовности, которое наиболее подвержено унификации, следованию одному, наиболее удобному стандарту. Обусловлено это тем, что на Западе в целом сложился единый менталитет. Как отмечает Гарольд Дж. Берман, все западные правовые системы – английская, французская, германская, итальянская, польская, венгерская и другие (включая с XIX столетия русскую) – имеют общие исторические корни, из которых они выводят не только общую терминологию и общие методы, но также и общие понятия, общие принципы и общие ценности»³.

Для него характерны следующие параметры. Западный человек пассионарен, он постоянно устремлён к новому и неизвестному. Римский линейный восходящий принцип развития продолжал своё существование даже в европейское

¹ Грациан Б. Карманный оракул. Критикон. М.: Наука, 1984. С. 374.

² Поляков А.В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2004. С. 324.

³ Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Из-во МГУ; Издательская группа ИНФРА·М – НОРМА, 1998. С. 515.

Средневековье, но особенно он стал заметен в эпоху Возрождения. Именно в эпоху Возрождения появился новый западный человек, свободный от многих предрассудков предшествующего теоцентричного Средневековья, обладающий стремлением к авантюрам и приключениям, стремлением к познанию непознанного, искренне освоить и покорить весь мир, жадной наживы, «наивной» жестокостью и откровенным цинизмом. Этот человек стремится отказаться от пут прошлого, сбросить груз устаревших традиций. Как уже отмечалось, западный человек сумел не только возродить лучшие образцы научных и технических достижений предшествующих поколений и ассимилировать самые передовые достижения соседей, но и создать на их основе непревзойдённые образцы науки и техники, имеющие исключительно прагматические цели. Цель оправдывала средства, а практическая деятельность, часто полностью заслоняла высшие духовные истины, что порой превращала европейца в деятеля, чьи поступки легко приобретали immoralную и противоправную окрашенность. «Запад завоевал мир не из-за превосходства идей, ценностей или религии (в которую было обращено лишь небольшое количество представителей других цивилизаций), но скорее превосходством в применении организованного насилия. Житель Запада забывает этот факт; житель не-Запада никогда этого не забудет»¹.

Западный человек научился отстаивать индивидуальные ценности, он уходит от общего «мы» и заменяет его индивидуальным, а порой, и эгоистичным «я», что заставляет его вступать в постоянную борьбу за свою духовную, интеллектуальную, нравственную независимость, за гражданские права и свободы. Индивидуализм развился в XIV–XV вв., а к XVII в. в Европе уже доминировало право на индивидуальный выбор. Но подобная позиция обуславливает слабость адаптивных способностей, западный человек не столь гибок как человек Востока, меняющиеся обстоятельства жизни могут иметь для него губительные последствия. Обратной стороной эгоцентризма является хрупкость внутренних структур собственной индивидуальности, собственные внутренние проблемы приобретают всеобщий характер, экзистенциальное восприятие действительности делает человека особо ранимым и восприимчивым к любым личным угрозам собственной индивидуальности.

Манихейское черно-белое восприятие мира как следствие христианского мироощущения выразилось в стремлении акцентировать внимание на выявлении противоположностей доброго и злого, истинного и ложного, рационального и иррационального. С одной стороны необходимость постоянно оценивать ситуации, находить единственное из множества, иметь совершенно определённые предпочтения ставило европейское правовое, политическое, культурное, философское, моральное сознание в ситуации вынужденного выбора. Но, с другой стороны, это мобилизовывало интеллектуальные резервы субъектов и тем самым стимулировало и ускоряли развитие европейской цивилизации. Рационализм довлел над чувствами, логика аналитического расчленения сущего на составные элементы довлела над попытками к целостному, синтетическому мировосприятию. Стремление расчленять единую поведенческую акцию на цели и средства, превращая те и другие в разные фрагменты атомарного мира, способствовало имморализации и криминализации социальной практики².

Таким пришёл западный человек из мира Возрождения, и хотя с тех пор западный человек изменился гораздо больше, чем восточный, общая направленность его ментальности осталась прежней.

Западноевропейское право органично вплетено в социальную практику. В большей степени в англо-американской правовой семье, в меньшей мере в романо-германской, но право является нормой жизни, в том смысле, что во всех своих поступках, действиях, планах западноевропейец ориентирован на то, что право – постоянный и неизменный спутник жизни, надёжный инструмент, позволяющий ему жить и функционировать в обществе. В целом западный человек с помощью права может не ориентироваться в каждом конкретном случае на личное волеизъявление работодателя, правителя, законодателя – на их милость, а именно на установленные, понятные и известные законы, и на их основе отстаивать свои права и свободы. «Концепция центрального места закона в цивилизованном бытии была унаследована от римлян. Средневековые мыслители развили идею о природном законе, согласно которому монархи должны были применять свою власть, и в Англии появилась традиция общего права. Во время фазы абсолютизма (шестнадцатый-семнадцатый века) торжество права соблюдалось скорее в нарушении закона, чем в соблюдении его, но продолжала существовать идея о подчинении власти человеческой неким внешним ограничениям: *Non sub homine sed sub Deo et lege* (Не под человеком, но под Господом и законом). Эта традиция господства закона лежала в основе конституционализма и защиты прав человека, включая право собственности, против деспотической власти. В большинстве других цивилизаций закон был куда менее важным фактором, обуславливающим мышление и поведение»³.

Эта естественность права в восприятии западного человека столь же характерна как естественно существующие природные законы. Она обусловлена, конечно, не тем, что право в современном ему виде появилось сразу по велению Бога, и было столь же изначально присуще всему Западу. Напротив, за свои права западному человеку пришлось ожесточенно бороться, добиваться того, что сегодня кажется элементарно необходимым и естественным. Это право отражало объективно существовавшую общественно-производственную технологию, перманентно развивающиеся товарно-денежные отношения, естественное стремление всех без исключения людей постоянно совершенствовать свои материальные и духовные потребности. За то, чтобы право было тем естественным феноменом, который пронизывает всю жизнь западного общества, в ожесточённых битвах боролись не только западноевропейские рыцари и горожане. Короли также осознавали значимость права и гордились тем, что могли приложить руку к его созданию.

Западное право было создано не только и не сколько для властных распоряжений правителей, регулирования государственного и административного управления, сколько для решения отношений подданных этих правителей с государством и, главное, отношений обывателей между собой. Частное право имело на Западе если не большее значение, то, во всяком случае, было совершеннее права публичного⁴. В основе становления института гражданского

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2005. С. 66.

² См.: Бачинин В.А. Менталитет западный // Энциклопедия философии и социологии права. СПб.: Издательство Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 451–452.

³ Хантингтон С. Указ. соч. С. 98.

⁴ С.С. Алексеев отмечает: «Деление права на две наиболее крупные, так сказать, глобальные сферы – публичное право и

общества была личная свобода и неотчуждаемая никогда, никем и ни при каких обстоятельствах частная собственность. Как отмечает А.В. Поляков, на Западе «наличие частной собственности явилось необходимым условием для постепенного формирования индивидуалистического (гражданского) общества, политической доминантой которого служит идея индивидуальной свободы и естественных неотчуждаемых прав человека-собственника»¹. Естественный характер гражданского общества на Западе был обусловлен характером экономических отношений, ведущей ролью свободного городского хозяйственного устройства, независимостью вольных городов, личной и экономической свободой их жителей, обустроивших свою жизнь по своим порядкам, добившимся своей политической самостоятельности, создававшим своё городское право, своё собственное управление и внутреннее корпоративное устройство своих коммун. Начало этой хозяйственной и политической независимости было положено ещё в Средневековье и возрождающееся право сыграло в этом сложном ансамбле отношений первую скрипку.

Последствия доброго правления. Фрагменты фрески Амброджио Лоренцетти. Палаццо Пубблико, Сиена. 1337–1339. Слева – жизнь свободного города, справа – аллегория Безопасности (*Securitas*), дух которой витает над хозяйственной жизнью страны во времена доброго правления. Безопасность, изображенная в левом верхнем углу фрагмента, держит в руках виселицу – символ справедливого наказания.

Западное государство достаточно быстро приобрело правовой характер. Варварские правители ещё сырых и рыхлых позднеантичных и раннесредневековых государств были вынуждены считаться не только со своей знатью, но и со своими подданными. Люди на Западе создали государство для того, чтобы право могло оптимально функционировать, чтобы государство могло эффективно защищать их интересы. Это означало, что оно всегда было инструментом права. Быстрый подъем Запада стал возможен в результате стечения целого комплекса исключительно благоприятных обстоятельств: природно-климатических, географических, военных, технологических, экономических, духовных, ментальных. Однако это вряд ли было бы возможным без важнейшего европейского феномена, принципиальным образом характеризующего весь код европейской цивилизации. Новое право создало и новое государство. Причём соотношение значимости государства и общества на Востоке и Западе было разным. Восточное государство брало на себя гораздо больше функций, полномочий и обязанностей. Сжатость, «неразвитость», по сравнению с восточным, западного государства является одним из условий формирования социальных предпосылок буржуазного строя и гражданского общества. Характер развития государства на Востоке блокирует социальную активность. Рождение капитализма на Западе – в известной мере результат отличия европейского общества от азиатского. Европейское государство – скорее исключение из общего правила, нежели норма. Но также как и другие феноменальные исключения, оно тоже постепенно превращается в желательный стандарт, ибо наиболее полно отвечает интересам общества и личности.

Западному человеку и тысячу лет назад, и сегодня выгодно и удобно, чтобы законы трактовались однозначно, право было понятно, а действия властей были предсказуемы. В течение длительного времени в Западном мире сформировалось юридическое право, в котором многие черты, характерные для западной традиции, были утеряны. Как отмечает В.П. Малахов, «юридическое право – право государственное, позитивное, официальное, узаконенное, заранее установленное»². Право как таковое, породив так называемое «юридическое право», тем не менее, лишилось многих своих характерных черт.

По мнению Г.Дж. Бермана, только четыре из десяти отличительных черт продолжают характеризовать западное право в настоящее время.

Во-первых, право всё ещё автономно, отделено от политики и религии, от других видов общественных институтов и научных дисциплин.

Во-вторых, как и прежде, право развивают профессиональные специалисты права: законодатели, судьи, адвокаты, правоведы.

В-третьих, процветают юридические учебные заведения, в которых правовые учреждения концептуализируются и систематизируются.

частное право имеет не только и даже не столько классификационное значение. Публичное право и частное право («публичное» и «частное» – в специальном юридическом смысле), необходимые, органические составляющие каждой национальной юридической системы – две ее главные, определяющие структуры, находящиеся в единстве. Вместе с тем при всем единстве права как целостного социального организма той или иной страны публичное право и частное право – два разных юридических мира, две «юридические галактики», отличающиеся, помимо всего иного, своим особым местом в социальной жизни страны, своими особыми законами развития» (Алексеев С.С. Линия права. М.: Статут, 2006. С. 91).

¹ Поляков А.В. Указ. соч. С. 255.

² Малахов В.П. Философия права. Идеи и предположения. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. С. 245.

В-четвертых, такое юридическое обучение продолжает составлять метаправо, с помощью которого правовые учреждения и правила оцениваются и объясняются¹.

В то же время, в течение XX в. под влиянием политической и экономической конъюнктуры западное право утерало шесть характерных черт.

Во-первых, право перестало восприниматься как единое связанное целое, а превратилось в мешанину из сиюминутных решений и противоречащих друг другу норм, соединённых только общими «приёмами» и «техникой».

Во-вторых, исчезло представление о необходимости опираться на историю права; история воспринимается только как хронология, или, хуже того – иллюзия.

В-третьих, те перемены, которые происходили в праве в прошлом, как и те, которые имеют место ныне, считаются не ответом на внутреннюю логику роста права, не разрешением напряжённости между наукой и практикой права, а результатом давления внешних сил.

В-четвертых, мнение, что право переходит пределы политики, что в любой данный момент или, по крайней мере, в его историческом развитии, право отлично от государства, всё более уступает место представлению о праве как инструменте государства, то есть средстве исполнения воли тех, у кого в руках политическая власть.

В-пятых, унификация различных правовых систем ведёт к поглощению разнообразных юрисдикций и систем одной центральной программой законодательства и административного регулирования.

В-шестых, мнение, что западная традиция права трансцендентна по отношению к революции, что она предшествует великим тотальным переворотам, периодически захлёстывающим страны Запада, и переживает их, подвергается сомнению противоположным убеждением – что право полностью подчинено революции.

Свержение одного набора политических убеждений и замена его другим ведёт к совершенно новому праву. Даже если старые формы сохраняются, они наполняются новым содержанием, служат новым целям и не могут быть отнесены к прошлому². Это особенно актуально сегодня, когда стандарты западного права начинают деструктивный дрейф к «политической целесообразности» и «двойным стандартам».

Польстившись на технические удобства, предоставляемые правом юристов, т.е. юридическим правом, люди лишились самого главного – право как таковое перестало быть общественным, оно перестало быть «собственностью» людей, а стало собственностью государства. Правом стало владеть даже не государство, им стала обладать исключительно власть. Государство, получив возможность формировать право, формирует его только в свою пользу – это и есть государственное право (т.е. право государства распоряжаться подобно восточному деспоту, прикрываясь законами и демократической риторикой). «Позитивное право построено на первичности вторичных норм и производности от них норм вторичных. Первичные нормы здесь – возможность, вторичные – действительность. Вне действительности вторичных (процессуальных) норм не существует (их просто нет), в отличие от первичных норм, которые восходят к правам... Позитивное право безразлично к содержанию. Но это не означает, что здесь не отражена природа права. В этом-то и есть его природа – во всеядии и отличности от справедливости»³. На сегодняшний день практически везде право утерало и свою прежнюю форму, и свою прежнюю роль. Вероятно, это закономерный и естественный путь западного права. Рано или поздно, но его уникальность, состоявшая в том, что не право было для государства, а государство – для права, должно было исчезнуть, что и произошло. «Юридическое право есть право государственной власти. Государственное право есть право сильнейшего, поэтому оно объективно изживает само себя, сначала в формализм, потом в произвол, потом в псевдоправо. Тем не менее, право без силы – не право, поскольку оно не только не способно принуждать, но и не способно быть признанным всеми, кого это касается»⁴.

Законотворительное чрево. Литография Оноре Домье.1834

Когда мы ставим вопрос единства права и морали, следует уточнить, какое право и какую мораль мы имеем в виду. Если речь идёт о восточной морали и восточном праве, но единства здесь никогда не было, и вряд ли будет, как не будет и права в первоначально европейском понимании. Соотношение западного права и западной морали также трансформировалось с течением времени и вряд ли представляет собой то соотношение, которое было тысячу, пятьсот, сто, и даже двадцать лет назад. Прав В.П. Малахов, когда утверждает, что «право и нравственность как формы действительности нельзя разделить. Они не одна другую укрепляют, выражают и не как форма и содержание связаны, а предстают как двуединство задач человеческой жизни в обществе. Право определяется задачей самостояния, нравственность – задачей единения. Они качественно различаются на уровне идей, но не ценностей. Между ними – функциональные различия, а не структурные и не сущностные»⁵. Если западное право и западная мораль существуют в неразделённом виде, если они оправдывают и обуславливают друг друга, то, что же это: двухголовый монстр, коктейль понятий, «понятийная конфедерация» или ещё что-либо?

Представляется, что наиболее близкие аналоги – это единый сложный механизм, руководящий социальными отношениями, или ансамбль, исполняющий сложнейшую партитуру социальной жизни. На разных этапах истории роль различных узлов этого механизма, или роль инструментов ансамбля – различна, некоторые элементы механиз-

¹ Берман Г. Дж. Указ. соч. С. 51.

² Там же. С. 52–53.

³ Малахов В.П. Указ. соч. С. 246–247.

⁴ Там же. С. 249–250.

⁵ Там же. С. 348.

ма или инструменты ансамбля могут усиливаться или ослабевать, появляться или исчезать. И право, и мораль развиваются во времени и пространстве, причём совершенно не обязательно, что это развитие происходит синхронно и согласованно. Но при любых обстоятельствах и право и мораль, взятые именно в единстве, являются атрибутом западного мироощущения. Ранее уже отмечалось, что Западный мир, западные ценности, западное право – это не норма, а скорее исключение. Именно на Западе возник феномен, с одной стороны, позволивший вывести мир на совершенно новый технологический и культурный уровень, а с другой стороны, вызывавший изначально и до сегодняшнего времени кардинальные разногласия у людей, – капитализм.

Капитализм сам по себе уникален, в момент его возникновения для всего мира, кроме ренессансной Западной Европы экзотичен, «едва ли требует доказательств то утверждение, что концепция наживы как самоцели, как «призвания» противоречит нравственным воззрениям целых эпох»¹. Для западного человека была характерна именно такая этика, которая существенно трансформировалась под влиянием изменяющихся цивилизационных общественно-производственных технологий, нового права и протестантской религии. Капитализм смог занять господствующее положение в системе экономической организации жизни западных обществ именно потому, что западная культура Нового времени на протяжении нескольких веков более или менее последовательно внедряла в сознание многих поколений европейцев принципиально новую – антитрадиционалистскую – модель социального мировосприятия. Мышление человека эпохи Нового времени превратило рациональное предпринимательство не просто в морально оправданное, но более того – в уважаемое, социально престижное занятие. Коммерсант в данном культурно-историческом контексте превратился в кумира эпохи. Новые ценности помогли ему освободиться от оков «страшного проклятья», наложенного на его судьбу традиционалистской этикой. Мотивы личного интереса с тех пор получили в рамках западной культуры надежные и социально гарантированные «права гражданства»: о них теперь можно было не только думать, но и говорить вслух (или даже «кричать»), не опасаясь при этом общественного осуждения. Стремление к материальному и финансовому успеху приобрело черты «истинной добродетели» в глазах миллионов людей. Оно стало чуть ли не самым «достойным» (и самым культурно поощряемым) из всех стремлений, живших в душе «цивилизованного европейца»².

В западном праве накоплен гигантский запас энергии, который очень долго не позволять юридическому праву становится приоритетным. В огромной мере это обусловлено тем, что пространство регуляции возникающих гражданских, социально-экономических, да и политических установок осваивает именно общественное право. Юридическое право, право юристов имеет дело не с социальными явлениями, не с людьми, осваивающими эти явления и ищущими пути регламентации отношений по поводу этих явлений. Юридическое право берёт уже готовый «юридический материал» и переделывает его в удобную для государства, власти, чиновников и юристов форму. «Юридическое право воспроизводит само себя. Оно может быть неэффективным, но, тем не менее, оно от этого не становится менее действительным. Систем норм существует и сама себя воспроизводит по своим собственным законам. А поскольку законы права одни, а законы общественной жизни другие, право конструирует собственную реальность и живёт по своим законам, а общество начинает жить по другим законам. С одной стороны, право исторически доказало свою универсальность как организующее начало, а с другой стороны, оно не способно это делать сегодня традиционными мерами, потому что у общественной и правовой жизни на сегодняшний день различные законы самопроизводства»³.

Если сравнить, например, Кодекс Наполеона и Германское гражданское уложение, то становится ясным, что первый писался юристами для людей, а второй юристами для юристов. Именно поэтому, законы, которые обязаны реально регулировать хозяйственные и экономические отношения, прежде всего, в частном праве, могут появляться в любое время, даже тогда, когда в публичном праве царит произвол и беззаконие. Подтверждая это, С.С. Алексеев указывает: «Исторический пример тому – право Древнего Рима. Имперский, по своей основе тиранический характер публично-правовой организации общества Древнего Рима (с чередой сменяющихся друг друга политических форм правления республиканского и монархического типов, разновидностей публично-правового режима для граждан Рима) существовал и развивался во многом особняком от римского частного права – права универсального уровня, реализующего в развитых и юридически совершенных и, главное, стабильных юридических формах начала свободы и самостоятельности субъектов в сферах собственности, всего комплекса имущественных, семейных, личных отношений.

Или – не менее выразительные примеры недавней истории. Германия с начала 1930-х до середины 1940-х гг. по своему политическому режиму, реальным публичным институтам принадлежала к группе публичных образований тиранического (национал-социалистического, фашистского) типа, а вот частное право – к весьма передовой романо-германской системе. Причем, хотя национал-социалистический режим через соответствующие институты публичного права оказал известное влияние на частноправовую жизнь германского общества (в сферах статуса субъектов, семейных отношений и др.), основные институты частного права, базирующиеся на Германском гражданском уложении, и при фашистском режиме сохраняли в основном свое действие. В Италии того же времени, где также функционировали публичные институты тиранического, фашистского типа, частное право получило прогрессивное развитие. Гражданский кодекс Италии 1942 г. по своему юридическому содержанию – передовой системный законодательный акт, охватившей также правовой материал, относимый в условиях немого числа консервативных режимов к торговому праву»⁴. В огромной мере это способствовало тому, что в Италии фашизм был повержен, в том числе, и силами народного сопротивления; в Германии после Второй мировой войны возникло чувство раскаяния и национальной ответственности за совершённые преступления.

Эти примеры демонстрируют то, что действительное право – это общественное право, только оно реально спо-

¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: РОССПЭН, 2006. С. 40.

² См.: Подвойский Д.Г. Антиномия «Россия – Запад» и проблема социокультурной самобытности. М.: РУДН, 2005. С. 104.

³ Палазян А.С. Сущностные функции юридического права // Адвокатская практика. 2009. № 5. С. 14.

⁴ Алексеев С.С. Указ. соч. С. 91–92.

собно «осваивать» новые явления социальной действительности, реагировать на любые изменения, происходящие в мире. Юридическое право паразитирует на общественном праве, именно поэтому можно быть уверенным, что общественное право никогда не исчезнет, ибо юридическое право заинтересовано в нём, оно им питается, оно не может без общественного права существовать.

Западный человек выстраивает линию своей жизни в правовом пространстве. «Понятие правового пространства активно используется в юридической теории и отражает определенность действия права, как нормативного строя общественной жизни, в пределах оговоренной законодателем территории, в пределах места. Иными словами, в общей теории права понятие пространства употребляется почти в его буквальном смысле, как физическая характеристика реальности. Разумеется, при этом оно ни в коей мере не является ни характеристикой структуры норм, ни фактором, влияющим на их содержание. Юридически трактуемое правовое пространство – поистине вместилище для действующих норм, «сосуд», способный заключать в себе любое содержание»¹.

Именно в правовом пространстве реализуется весь правовой «капитал», накопленный в каждой из правовых систем. В ходе исторического развития каждая из правовых систем вбирает в себя то позитивное или необходимое, что порождает та или иная цивилизация. Так, в Западной Европе были воспроизведены некоторые феномены, которые возникали как ответ на вызовы эпохи, как стремление побороть ту или иную устаревшую правовую, религиозную или социальную норму, и которые впоследствии приобрели характер гражданских добродетелей или здравого смысла. В частности, до начала XIII в. в Западной Европе ещё существовали ордалии – Божий суд посредством испытания: поединка, калёного железа, кипящей воды. Архаичность данного обычая подтверждалась и сопровождавшимися его паразитарными феноменами: случайными (героями рыцарских романов) или профессиональными мастерами поединка. В 1215 г. IV Латеранский собор (своего рода XX съезд Средневековья, провозгласивший «обновление» всего духовного) запретил ордалии, заменив его требованием письменных доказательств.

Как известно, долгое время основа банковского права – кредит под проценты – считался занятием греховным и недостойным христианина. Понадобилась не только рецепция институтов римского права, но и имплементация многих положений из иудейского права, одобренная соответствующим папским решением, чтобы признать необходимость данной нормы. В дальнейшем, в ходе Реформации, если Лютер и отвергал заём с процентами, то Кальвин уже с большей благосклонностью относился к денежному обращению и профессионалам-заимодавцам. Он впервые провёл чёткое различие между займами подтверждения (которые он отвергал) и займами для предприятий, которые он принимал.

Данте и ростовичики.
Французская книжная миниатюра XIV в.
Данте помещает ростовичиков в 7-й круг ада

Джотто ди Бондоне. Страшный суд. Фрагмент фрески капеллы дель Арена (дельи Скровеньи), Падуя, 1304–1306. В нижней части справа от креста – повесившийся Иуда, считавшийся первым ростовичиком. Симметрично ему слева от креста, – Энрико Скровеньи, сын Реджинальдо Скровеньи, нажившего состояние ростовичичеством и помещенного Данте в ад. Энрике протягивает модель капеллы Деве Марии в знак искупления греха ростовичицества

В правовом пространстве правовое существо само вынуждено деятельно организовывать вокруг себя правовую среду, оно вынуждено проявлять активность и регулировать те отношения, которые составляют смысл его жизни, систему принимаемых за образец ценностей. «Базовая система ценностей, побуждавшая сынов Западной Европы создавать своей деятельностью известные нам институциональные порядки, состояла из трёх важнейших аксиологических компонентов. Каждый из этих компонентов выполнял в рамках упомянутой ценностной системы соответствующую его аксиологической специфике функцию. Активная (в первую очередь практическая) деятельность, направленная на преобразование окружающей (в том числе социальной) действительности, становилась *смыслом* существования для человека; реализация личных интересов являлась для него *целью*; а жизненный рационализм – *средством*, которое необходимо было использовать в качестве механизма решения любых встречающихся перед человеком социально значимых проблем»².

Приняв за данность тот факт, что именно с помощью права в западном обществе удобнее, безопаснее и ком-

¹ Малахов В.П. Философия права: Учебное пособие. М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2002. С. 357.

² См.: Подвойский Д.Г. Указ. соч. С. 80–81.

фортнее вести все свои дела, западный человек как легитимное и полноценное правовое существо старается органично вплести право в структуру всей своей жизни. Наличие правового пространства в жизни западного человека – это его права на обладание неким собственным, принадлежащим, то есть обладание той частью социального блага, которое принадлежит ему на индивидуальном, семейном, групповом или общественном основании и не может быть ни при каких обстоятельствах у него изъято. Таким образом, содержанием правового пространства являются притязания правовой личности на обладание места в среде своего обитания.

Правовое пространство – не просто количество или величина притязаний, но способ их организации¹. Этот способ организации может быть материальным, социальным, духовным, религиозным и интеллектуальным.

В материальном аспекте правовое пространство означает «владение» каким-либо видом и количеством собственности – большим или малым, но всегда предполагает наличие того, чем владеет конкретный человек. «Экзотичность» Запада как раз в том и состояла, что, особенно начиная с эпохи Возрождения, каждый желал обладать своей собственностью. Это никак не возбранялось ни в религиозном, ни в правовом смысле, это обеспечивалось производственно и технологически; обладателем своего пространства в материальном, физическом смысле этого слова могли стать многие – Возрождение сняло сакральный запрет на обладание собственностью, владение ею перестало быть греховным.

В социальном аспекте правовое пространство личности было обусловлено его индивидуальной свободой, точнее тем её уровнем, который в других цивилизациях никогда достигнут не был. Своей свободой обладали, своё правовое пространство имели города, корпорации, сословия, провинции и даже целые государства, ибо свои пространственные отношения как пространственно, так и виртуально решались в основном при помощи юридических средств.

После череды кровавых религиозных войн Западная Европа перестала быть нетерпимой к представителям различных христианских направлений – уже в эпоху Просвещения часто государем мог быть протестант, а его подданные – католиками, и наоборот, а чересполосица земель, населённых представителями различных конфессий, постепенно приучила к веротерпимости. Начиная с XIX в., они терпимей стали относиться и к другим религиям, отчасти оттого, что в результате мировой экспансии покорили страны населённые мусульманами, индустрами, буддистами, иудеями, и поняли, что нецелесообразно пытаться обратить всех в свою веру, отчасти оттого, что в силу экономических и духовных причин стали спокойнее воспринимать иноверцев рядом с собой².

Средневековая Западная Европа не отличалась ни веротерпимостью, ни толерантностью к духовным изысканиям. На костёр мог попасть не только иноверец, но и христианин, чьё поведение или воззрения, или субъективные мнения о ком, могли вызвать сомнения в подлинности своей принадлежности к ортодоксальному христианству. Стать еретиком, отступником, ведьмой мог любой житель Западной Европы. Но такие западные ценности как личная собственность, личная свобода и неподопечность порождали и свободомыслие. Для свободомыслия всё же была характерна веротерпимость и толерантность. Не только различные конфессии, но и различные правовые, политические, научные концепции и направления получили право на своё существование. Здесь чисто религиозная составляющая имела уже второстепенное значение, важнее был сам свободный и рациональный дух Западной Европы. Макс Вебер писал:

«Создается впечатление, что развитие «капиталистического духа» может быть легче всего понято в рамках общего развития рационализма и должно быть выведено из его принципиального подхода к последним вопросам бытия. В этом случае историческое значение протестантизма сводилось бы к тому, что он сыграл известную роль в качестве «предтечи» чисто рационалистического мировоззрения. Однако при первой же серьезной попытке такого рода становится очевидным, что подобная упрощенная постановка проблемы невозможна хотя бы по одному тому, что история рационализма *отнюдь* не является совокупностью *параллельно* прогрессирующих рационализации отдельных сторон жизни. Рационализация частного права, например, если понимать под этим упрощение юридических понятий и расчленение юридического материала, достигла своей высшей формы в римском праве поздней античности и была наименее развитой в ряде достигших наибольшей экономической рационализации стран, в частности в Англии, где рецепция римского права в свое время потерпела неудачу ввиду решительного противодействия со стороны мощной юридической корпорации, тогда как в католических странах Южной Европы римское право пустило глубокие корни. Чисто посюсторонняя рациональная философия XVIII в. нашла свое пристанище отнюдь не только (и даже не преимущественно) в наиболее развитых капиталистических странах. Вольтерьянство и поныне еще является общим достоянием высших и – что практически более важно – средних слоев населения именно романских католических стран. Если же под «практическим рационализмом» понимать тот тип жизненного поведения, который базируется на сознательной оценке мироздания и отношении к нему с точки зрения посюсторонних интересов *отдельной личности*, то этот стиль жизни как в прошлом, так и в настоящем типичен для народов “*liberum arbitrium*”³, входит в плоть и кровь итальянцев и французов»⁴.

Конкретная правоспособность предусматривает, что человек в многообразных социальных ситуациях способен направлять свои действия в соответствии с действующим в данном обществе правом, а также с тем, насколько он пропускает это право через своё собственное мировоззрение, через свои правовые, моральные и религиозные потребности, через те правовые рецепции, которые он сам смог усвоить. Это очень важный аспект существования права, возможность привнесения в него новаций. Одним из таких факторов привнесения является то, чтобы права и сво-

¹ См.: Малахов В.П. Философия права: Учебное пособие. С. 360.

² См., в частности: Кухаренко А.М. Европейские пути на Восток в 16 веке: путешествие Фернана Мендеса Пинто и кругосветное плавание Фернана Магеллана [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2013. Т. 3. Вып. 2. Режим доступа: <http://e-almanac.space-time.ru/assets/files/Tom%203%20Vip%202/rubr3-stranica-buduschih-platonov-st9-kuharenko-2013.pdf>.

³ Свободной воли (лат).

⁴ Вебер М. Указ. соч. 42–43.

боды человека были сравнимыми, а блага, получаемые от общества никак не были меньше, нежели в других странах сопоставимых по уровню развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С.С. Линия права. М.: Статут, 2006.
2. Бачинин В.А. Менталитет западный // Энциклопедия философии и социологии права. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.
3. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: МГУ; Издательская группа ИНФРА•М – НОРМА, 1998.
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: РОССПЭН, 2006.
5. Грациан Б. Карманный оракул. Критикон. М.: Наука, 1984.
6. Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М.: РОССПЭН, 2005.
7. Кухаренко А.М. Европейские пуги на Восток в 16 веке: путешествие Фернана Мендеса Пинто и кругосветное плавание Фернана Магеллана [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2013. Т. 3. Вып. 2. Режим доступа: <http://e-almanac.space-time.ru/assets/files/Tom%203%20Vip%202/rubr3-stranica-buduschih-platonov-st9-kuharenko-2013.pdf>.
8. Лановая Г.М. Пространственно-временная определенность в системе характеристик права // Пространство и Время. 2012. № 4(10). С. 74–77.
9. Ле Гофф Ж. Рождение Европы. СПб: ALEXANDRIA, 2007.
10. Ле Гофф Ж. Средневековье и деньги. Очерки исторической антропологии. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2010.
11. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург: У-Фактория, 2005.
12. Малахов В.П. Философия права. Идеи и предположения. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
13. Малахов В.П. Философия права: Учебное пособие. М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2002.
14. Малахов В.П. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011.
15. Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011.
16. Малахов В.П. Право в контексте философского сознания // Пространство и Время. 2014. № 2 (16). С. 63–66.
17. Малахов В.П. Право в контексте планетарного сознания // Пространство и Время. 2013. № 3(13). С. 44–49.
18. Палазян А.С. Сущностные функции юридического права // Адвокатская практика. 2009. № 5. С. 13–17
19. Подвойский Д.Г. Антиномия «Россия – Запад» и проблема социокультурной самобытности. М.: РУДН, 2005.
20. Поляков А.В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2004.
21. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2005.
22. Berman H.J. *Law and Revolution, II: The Impact of the Protestant Reformations on the Western Legal Tradition*. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2009.
23. Berman H.J. "Religious Foundations of Law in the West: An Historical Perspective." *Journal of Law and Religion* 1.1 (1983): 3–43.
24. Berman H.J. "The Origins of Western Legal Science." *Harvard Law Review* 90 (1977): 894–943.
25. Bowden B. "The Colonial Origins of International Law. European Expansion and the Classical Standard of Civilization." *Journal of the History of International Law* 7.1 (2005): 1–23.
26. Dyson K. *The State Tradition in Western Europe: A Study of an Idea and Institution*. Colchester: ECPR-Press, 2010.
27. Haila A. "The Market as the New Emperor." *International Journal of Urban and Regional Research* 31.1 (2007): 3–20.
28. Hansmann, H., Kraakman R., Squire R. "Law and the Rise of the Firm." *Harvard Law Review* 119.6 (2006): 1333–1403.
29. Hatzimihail N.E. "The Many Lives-and Faces-of Lex Mercatoria: History as Genealogy in International Business Law." *Law and Contemporary Problems* 71.3 (2008): 169–190.
30. Hodgett G. *A Social and Economic History of Medieval Europe*. Abingdon, UK: Routledge, 2006.
31. Maclean I. *Interpretation and Meaning in the Renaissance: The Case of Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
32. Mews C.J., Abraham I. "Usury and Just Compensation: Religious and Financial Ethics in Historical Perspective." *Journal of Business Ethics* 72.1 (2007): 1–15.
33. Michaels R. "The True Lex Mercatoria: Law Beyond the State." *Indiana Journal of Global Legal Studies* 14.2 (2007): 447–468.
34. Rubin J. "Institutions, the Rise of Commerce and the Persistence of Laws: Interest Restrictions in Islam and Christianity." *The Economic Journal* 121.557 (2011): 1310–1339.
35. Tigar M.E., Levy M.R. *Law and the Rise of Capitalism*. New Delhi: Aakar Books, 2005.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Сигалов, К. Е. Идеино-ценностные основы формирования западноевропейского права / К.Е. Сигалов // Пространство и Время. — 2015. — № 1—2(19—20). — С. 24—31. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271provstl_2-19_20.2015.12